

РЕАЛІТИ-РОМАН

Dr Jean-Michel Cohen

Le roman des régimes

Жан-Мишель Коэн

РОМАН-
ОТКРОВЕНИЕ
ВРАЧА-ДИЕТОЛОГА

УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)
К76

Jean-Michel Cohen. Le roman des régimes

*Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture –
Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

Дизайн – А. П. Зарубин

Коэн, Жан-Мишель

К76 Роман-откровение врача-диетолога: Реалити-роман / Пер. с фр. Е. А. Макаровой. — М.: Этерна, 2012. — 480 с. — (Реалити-роман)

ISBN 978-5-480-00279-9

Тот, кто ест слишком много или не ест вовсе, он кто — больной или жертва? Этот вопрос постоянно не дает покоя Метью, специалисту по лечению заболеваний, связанных с нарушениями питания. Этот доктор, больше чем другие его коллеги, привязан к своим пациентам и готов прибегнуть к довольно оригинальным методам лечения, лишь бы помочь подопечным избавиться от недуга.

Герои книги — образчики совершенно разного отношения к еде и подчас противоположных характеров, в каждом из них вы сможете узнать самого себя. В своем реалити-романе доктор Жан-Мишель Коэн анализирует психологические предпосылки отношения к еде и процессу питания вообще. Помимо оригинального и захватывающего сюжета, в книге последовательно описан процесс лечения каждого пациента и даны врачебные рекомендации.

УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)

ISBN 978-5-480-00279-9
(Россия)

ISBN 978-2-0806-8754-8
(Франция)

© Flammarion, 2007

© Е. А. Макарова, перевод, 2012

© Палимпсест, 2012

© Издательство «Этерна»,
оформление, 2012

*Моей матери, которая подсказала мне
идею романа и снабдила некоторыми
реальными фактами.
Она и мой отец привили мне убеждение,
что наилучший уход за не вполне
здоровым человеком — это любовь.*

*Мириам, нашей доброй фее,
которая появилась, чтобы заставить меня поверить,
что все и всегда может закончиться хорошо.*

*Нашим будущим спутницам:
Стефани, Дженифер, Лауре и Грегори,
которые воодушевляют и вдохновляют.*

*Моей сестре Анни, которая отныне
разделяет и понимает мой недостаток*

ПРОЛОГ

Внешне здание, в котором располагается Парижская клиника, отличается от других, соседних домов своей исключительной невыразительностью. Плоский, геометрически симметричный фасад отделан по моде шестидесятых годов камнем и стеклом. Справа от клиники стоит особняк в викторианском стиле, лет ста с лишним, этакий важный буржуй. Слева — строение с башенками и террасками, обитель какого-то именитого актера. Напротив — большой стадион. Следовательно, перед клиникой нет ничего, что усложнило бы папарацци охоту на «пипл». И пусть газон вокруг не очень ухожен, зато кадр, при умелом наведении ракурса, получится весьма любопытным. Однако наверняка останется впечатление какой-то незаконченности, и оно не дает права именоваться «крутым» этому зданию, стоящему в Булонском лесу, где все постройки претендуют на славу элегантных и дорогих сооружений. И тем не менее в нем находятся больные, не обремененные ни славой, ни большими деньгами.

Следует прибавить, что слово «больной» очень не нравится доктору Метью Сорину. Разве тот, кто ест слишком много или не ест вовсе, — больной? Скорее всего он — жертва, разве нет? За те двадцать с лишним лет, что доктор работал с пациентами, пораженными недугом искаженного взгляда на правильное питание, у него было достаточно времени подумать над научной терминологией. Метью прекрасно знает, что описывать его «больных» следует как потомков Адама, страдающих и телом, и душой в равной степени. Каждый случай в его практике уникален и символичен.

Впрочем, это как раз то, что вдохновляет врача, специалиста-диетолога, побуждая его заниматься своим делом и дальше. Он никогда не пожалел о своем выборе. Разумеется, хирургия, кардиология или онкология могут показаться более достойным, более прибыльным, более важным занятием, но там слишком большая летальность, а он, из-за своего чувствительного характера, никогда не смог бы смириться с тем, что оказался в ответе за жизнь пациента и ничем не сумел ему помочь.

Всем известные неэффективная терапия и клиническая смерть в его практике пока не случались. Больше всего он любил наблюдать, как к его больным возвращается их внешняя индивидуальность, их уникальное тело, как в них снова загорается желание жить. Дорожил сознанием того, что имеет полное право сказать: в их возвращении в привычный мир есть и его заслуга. Он уже не питал иллюзий, как в начале своего пути, что сможет спасти всех, даже тех, кто не хочет выздоравливать, нет, его честолюбие ограничилось теперь осознанием возможности вернуть в равновесие тот маятник, который отклоняет человеческую судьбу то в одну, то в другую сторону. И это уже очень и очень много...

Часть

первая

1

ГЛАВА 1

Соня, медсестра отделения, ворвалась в кабинет без стука:

— Скорее, Сара умирает!

Доктор Сорин вскочил так стремительно, что кресло, в котором он только что сидел, отъехало на своих колесиках в другой угол кабинета.

— Скажи Люсио, чтобы сию секунду нес дефибриллятор и капельницу для вливания, если она еще не в палате, гипердозу глюкозы, три ампулы калия и несколько ампул адреналина. Живо!

Он бросился к лестнице, повинуюсь выработанной привычке не пользоваться лифтом: сейчас не время для риска, каким бы ничтожным он ни был: а вдруг лифт застрянет между этажей...

*

Пока Метью бежал вверх, прыгая через четыре ступени, в его мозгу вихрем пронеслось воспоминание о первом разговоре с Сарой. Ее привез шофер на машине со специальным знаком, наверняка на той же самой, которой пользовался и ее отец, Филипп

Филло, министр здравоохранения. Она приехала одна. Не вскрывая письма психиатра, который направил к нему эту пациентку, Метью уже знал ее диагноз. У нее была не только последняя стадия худобы, без пяти минут анорексия, имеющая психологические корни, от нее к тому же веяло неприступным высокомерием, которое проявлялось во всем: и в ее особенной манере одеваться, и в высоко вздернутом подбородке, и в повороте головы при разговоре. Пока Метью одним глазом пробежал строки письма своего коллеги, другим он наблюдал за Сарой. В кресле она сидела очень прямо, скрестив ноги и руки, крепко сжав губы, пренебрежительно разглядывала обстановку его кабинета. Да-а, задаст она нам хлопот, тут же подумалось ему. Все в ее манере держаться кричало, что пришла в это учреждение она не по собственной воле и что внутренне она будет всячески сопротивляться лечению. Метью подавил желание горестно вздохнуть и начал беседу.

Вот черт, воскликнул он про себя. Прибавь она несколько килограммов, девушка, сидевшая напротив него, была бы настоящей красавицей. Удивительные зеленые глаза казались неправдоподобно огромными на слишком маленьком личике без щек и без кровинки, лишь голубые вены просвечивали сквозь истончившуюся кожу. Черные волосы, потускневшие и ослабленные от недоедания, также больше походили на пыльную тряпку. Он увидел выдающиеся вперед ключицы и острые локти, оттопыривающие мягкую шерсть пуловера. Под узкими джинсами угадывались тощие бедра и колени.

Но при всем при том бриллиантовое кольцо! В ее досье упоминалось, что после блестящей сдачи бакалаврских экзаменов, на целый год раньше положенного срока и с очень высокими оценками, она

вошла в число юных парижанок, подающих самые большие надежды. Затем, в течение четырех месяцев, она выдержала несколько очень трудных конкурсов, результаты которых, вполне определенно, могли бы решить ее будущее. Вот только при одном условии — что она будет еще держаться на ногах. Ибо тогда при росте метр шестьдесят девять весила наша умница 39 килограммов.

Как Метью и ожидал, Сара увильнула от ответов на большинство вопросов, а те немногие слова, что удалось из нее выжать, цедила сквозь зубы. Спасибо хоть согласилась остаться в клинике на месяц. А ведь могла и не уважить родительскую просьбу, как-никак совершеннолетняя. Но за столь короткий срок вряд ли можно было рассчитывать, что удастся увеличить ее вес больше чем на два или три килограмма. И это при условии, если она сама, добровольно, без принуждения, согласится принимать пищу, что вызывало у доктора большие сомнения.

*

На самом деле Сара показалась ему неизлечимой, в буквальном смысле этого слова. Она не раскрывала рта ни во время сеансов с больничным психотерапевтом, ни в часы приема пищи. Ничего не менялось. В худеньком, слабеньком теле обитала только железная воля, и ничто и никто, казалось, не могли смягчить ее. Кроме, может быть, Люсио, одного из помощников доктора, которого она одаривала иногда своей улыбкой.

Все те две недели, что Сара находилась в клинике, она продолжала худеть. Вчера стрелка весов опустилась до тридцати семи килограммов, и это означает, что Сара вступила в так называемую красную зону — зону летального риска. Первая причина

смертей анорексиков — это недостаток калия, для сердца сушая погибель.

Метью подумал, что, наверное, ему следовало бы применить гастрологический зонд — гибкий шланг, вводимый в пищевод, по которому пища в жидком виде поступает непосредственно в желудок пациента, по такому принципу вскармливают своих детенышей гуси.

Да, но этот зонд — настоящая пытка, оставляющая на всю жизнь глубокий шрам не только в памяти девушки, подвергшейся такой процедуре, но и вполне реальный — в ее пищеварительном тракте. И нет никакой гарантии в том, что, избавившись наконец от этой искусственной пуповины, через которую происходило насильное кормление, девушка согласится самостоятельно принимать пищу.

Метью хотел бы уберечь Сару от этого кошмара.

ГЛАВА 2

Метью, запыхавшись, влетел, как ураган, в палату Сары. В коридоре послышался топот Люсио, и тот вбежал несколькими мгновениями позже своего начальника. При нем было все необходимое для возвращения Сары к жизни.

*

Только взглянув на девушку, Метью убедился в правильности своего диагноза. Сара находилась в полубессознательном состоянии, по телу пробежали легкие судороги, глаза полузакрыты. Без сомнения, у нее остановилось сердце — недостаток калия ослабил силу сокращения сердечной мышцы. Метью сдернул с кровати одеяло, затем переложил Сару на пол: массаж более эффективен, если больной лежит на твердой поверхности. Внешне он был сосредоточен и спокоен, но внутри разлился страх. Только бы она осталась жива...

Теперь надо положить одну руку на область грудной кости, другую — поверх и сильно, ритмично нажать несколько раз. Такие манипуляции он за

свою жизнь делал уже раз двадцать. Поднять руки Сары вверх, за ее голову. Зажать ей нос, вдохнуть ей в легкие воздух, отдать ей свое дыхание, чтобы помочь ожить вновь. Подарить ей поцелуй, чтобы спасти от смерти. Он вспомнил, как однажды делал уже искусственное дыхание, но тогда оживляемый был тщедушным стариком, у которого изо рта отвратительно воняло. На этот раз перед ним была Сара, такая же истощенная и податливая, как тот старик, но она — молодая девушка, которую он пытался освободить от губительных злых чар, что обездвижили ее, не давали ей есть, неотвратно толкали ее к концу. В больных анорексией его всегда пугало это трагическое соединение двух желаний: властвовать и умереть.

*

— Готовь дефибриллятор, — бросил Метью Люсио, — подключай электричество, жди, пока он зарядится. Поставь его рядом со мной. Еще, быстро, приготовь перфузию для вливания, наполни ее глюкозой и добавь три ампулы калия. Скорее!

— Соня, отдерни шторы.

Нет времени ни на какие «будьте любезны» и «спасибо», только отрывистые приказы да быстрые указывающие взгляды.

*

Таинственность, в которой Сара находила удовольствие, в ее палате преображалась в мрачную, погребальную атмосферу. Что это — могила для девушки-подростка? Быстрым движением распахнуть шторы на окнах, чтобы впустить дневной свет, как вестника надежды на скорое возвращение в мир живых.

*

Метью без всяких церемоний сорвал с пациентки ночную рубашку. Окинув ее тело быстрым взглядом, он убедился, что на Саре нет никаких металлических предметов: ни цепочек, ни колец, ни часов, которые могли бы помешать работе дефибриллятора.

— Люсио, черт бы тебя побрал, мне капельница с вливанием нужна до того, как мы начнем.

— Вот, Метью, — ответил его помощник, — я только закреплю иглу лейкопластырем, чтобы не выскочила. Готово, можно начинать.

Доктор разом схватил оба электрода дефибриллятора, один прижал над правой грудью пациентки, другой — над левой. Он постарался все сделать так, чтобы не принять электрический разряд на себя.

— Включай, — скомандовал он Люсио.

На спине, под рубашкой доктора выступил холодный пот. Вот он, настал критический момент, когда в четверть секунды решается вопрос чьей-то жизни или смерти. Что сейчас произойдет — воскрешение или кончина человека, чья жизнь была такой еще недолгой, который не успел еще узнать, что такое счастье?

Он услышал резкий звук дефибриллятора и увидел, как волна от разряда пробежала по телу. Затем что-то слегка стукнуло — это Сара ударилась об пол спиной после судорожного сокращения мышц. Метью отбросил электроды дефибриллятора и приложил пальцы к шее девушки, стараясь нащупать пульс. Глубокая морщина прорезала его лоб, все чувства напряжены до предела, и вот ему показалось, что он уловил легкое трепетание голубой

жилки. Теперь он схватился за стетоскоп, чтобы убедиться, не ошибка ли это.

— Есть, забилося, — обрадованно сказал Метью.

Но после первого удара вновь наступила тишина. Сердце остановилось снова...

ГЛАВА 3

Что же делать? Смириться, мол, я сделал все, что мог? Или попытаться еще раз вернуть Сару к жизни, даже если попытка окажется неудачной? Ему захотелось все бросить. Понимая участь этих анорексиков, он задавал себе вопрос: может быть, он должен даровать этой девушке смерть, к которой она так стремится?

От долгого сидения на корточках у него занули колени.

— Давай снова! — дрожащим от бешенства голосом скомандовал он Люсио.

Соня испуганно наблюдала за их действиями. Помощник послушно протянул доктору электроды дефибриллятора. С улицы доносилось щебетание птиц, в этот тягостный миг оно больно резало слух, как неуместная магнитофонная запись, но, как ни странно, эти трели высветили в мозгу Метью маленький кусочек надежды, она стала для него знаком, на который ему надо идти, слабым огоньком, забрезжившим впереди. Верить, надо всегда верить, что ничто еще не потеряно.

*

Он приложил электрод дефибриллятора к двум оставшимся от предыдущей попытки отметинам на теле Сары.

— Включай! — крикнул он Люсио.

Люсио нажал на кнопку, пробежавший разряд выгнул тело девушки. Метью склонился над ее лицом, снова зажал ей нос и снова с силой вдохнул воздух в ее легкие.

Она ожила! Он понял это, он почувствовал это. Он поднес к ее груди стетоскоп, и слабенькая пульсация сонной артерии уверила его в том, что ему удалось-таки снова «разбудить» ее сердце, которое билось сейчас очень беспорядочно, в том же темпе, в котором работал ум Сары в последнее время. В стетоскопе он слышал «так-та, так-та», хорошо знакомые ему звуки, указывающие на тонус сердечной мышцы пациентки.

*

Спасена, подумал он. Спасена, но надолго ли?

Он сделал длинный и глубокий вдох — чуть ли не две минуты он не дышал вообще, настолько он забылся, борясь за жизнь своей пациентки. Только теперь он смог взглянуть на Сару. Полупрозрачная жидкость потихоньку перетекала из колбы капельницы в вену на руке девушки. Рука эта была настолько худой, что ее можно было обхватить большим и указательным пальцами. Доктор остановил взгляд на мертвенно-бледном лице девушки. Даже губы у нее были белые. Он стал подробно ее рассматривать, с головы до ног. Грудь у нее не было, только два соска обозначали то место, где она могла бы быть. Сквозь впалый живот проступали кости таза и бедер, на которых не было ни малейшего слоя

плоти, на которых не было ничего. Ему подумалось, что вот эта яма вместо живота — это некий антипод беременности. Возможно, этот ввалившийся живот можно принять в качестве эмблемы всех анорексичек. Он, проваливаясь все глубже, вытесняет женское естество, уничтожая ее природное назначение давать жизнь. Метью поднялся, ощущая, как наваливается на него усталость и внезапный страх за то, что Сара могла умереть.

*

— Давай, Люсио, положим ее на кровать.

Метью приподнял ее за подмышки, а санитар осторожно просунул руки под колени девушки. Они вдвоем аккуратно положили ее на кровать, тогда как Соня следила за тем, чтобы не выскочила иголка капельницы. Метью распорядился, чтобы под голову пациентки подложили еще одну подушку.

— Люсио, теперь кто-то должен постоянно находиться здесь и иметь разум и смелость самостоятельно принять решение.

— Слушай, Метью, эта девчонка не заслужила того, что с ней случилось. Ее отец порядочная свинья. Раз у тебя такая дочь, так нужно о ней заботиться. Если ты не против, я хотел бы дежурить у нее. Моя смена заканчивается в четыре часа, а потом до утра я могу побыть с ней. А завтра я отчитаюсь о том, как прошла ночь.

— Ладно, посмотрим, но в первую очередь нужно следить за тем, как будет проходить кризис. А сейчас надо взять у нее анализ крови и направить его в лабораторию, мне надо знать содержание калия, и не позже чем через час. Каждый час измеряй давление. Собери мочу, я отправлю ее на исследование прямо сейчас. Мне нужно знать, сколько

жидкости она получает и сколько выводит, с точностью до миллилитра. Сейчас мы спасли ее от сердечного приступа, а в другой раз она может проскочить у нас сквозь пальцы от отека легкого.

Люсио кивнул головой, соглашаясь с мнением шефа, затем пристально посмотрел на него:

— Я знаю, что ты задумал. Ты хочешь как можно скорее поставить ей гастронологический зонд.

— Само собой разумеется! — взорвался Метью. — Вот уже две недели она лежит в нашей клинике, а результатов — никаких. Ты хочешь, чтобы я устранился и дал ей умереть?

— Ты отлично знаешь, — Люсио в свою очередь повысил голос, — что зонд — это не решение проблемы. Каждый раз после него они все набирают вес, возвращаются к себе домой, а потом, месяца через два, опять к нам, все у них начинается сначала. Ну а мы снова ставим зонд, в общем — замкнутый круг. И только в тот день, когда они начинают есть сами, только тогда мы можем надеяться не увидеть их здесь снова! Но решить, есть им или не есть, могут только они.

— И что! Все это не причина, чтобы не прибегнуть к зонду еще раз.

— Нет, Метью, уверяю тебя, с этой девочкой совсем другой случай. Мне кажется, что если кто-нибудь, во всех подробностях, расскажет ей о том, как сегодня у нее остановилось сердце, она начнет есть. Вот увидишь.

— Люсио, этот зонд заставляет страдать тебя, а не ее. Что, по-твоему, я должен сейчас делать? Подкармливать ее глюкозой через капельницу и ждать, пока, через некоторое время, она не умрет? Второй раз нам не удастся вернуть ее с того света!

— Тем лучше, позволь мне ее кормить. Мне кажется, я понимаю, что она может чувствовать, не знаю, как тебе это объяснить, но у меня получается общаться с ней. Честное слово, она готова была уже разговаривать со мной о том о сем, но сдерживалась. Я думаю, что она расскажет что-нибудь о себе. Подожди еще хотя бы сутки.

— На той стадии, как сейчас, ладно, согласен. Я дам тебе еду на три или четыре приема, попробуй покорми ее. Но капельницу я назначаю ей постоянно, чтобы не повторилось то, что мы только что пережили, и чтобы реанимировать ее как можно скорее, если сердце опять остановится. Послушай, вот мой совет. Чтобы снова приучить ее к еде, ты должен давать ей пищу только в жидком или полужидком виде. Фруктовый сок, молочные каши, картофельное пюре, не вздумай дать ей чего-нибудь жирного, она пока к этому не готова. Выбирай продукты светлые, они легче усваиваются. Ну, с богом! Увидишь, первые часы — это настоящая каторга.

— Спасибо, Метью, очень мило, что ты дал мне попробовать. Завтра попрошу Клару приготовить все, о чем ты сказал. Вот увидишь, я приложу все силы, чтобы все получилось, это сработает!

Метью скептически нахмурился:

— Ты не знаешь, насколько упорны и непреклонны бывают молодые анорексики. А эта малышка, она очень любит того, кто отверг ее любовь. Ведь ее отец никогда не навещал ее здесь. А ее бестолочь мать только и знает, что лебезить перед мужем, и была здесь всего один раз. Не думай, что тебе удастся заменить ей родителей, даже если все тут понемногу станут восприниматься ею как члены ее семьи. В конце концов, не забывай, что она далеко не дурочка. Не знаю, поможет ли ей это выпутаться из ее беды,

но, по крайней мере, хоть в этом заслуга ее папеньки с маменькой. Увы, не она первая, не она последняя, — закончил он со вздохом.

Метью, мучимый все возрастающим гневом на людское равнодушие и на несправедливость судьбы, предоставил Сару заботам Люсио и Сони и поспешил выйти из палаты.

— **И**так, мадам, Бензимон, что же вы тут делаете?

Лириан Бензимон — постоянная пациентка клиники, она проводит в ней по два месяца каждые полгода. Ее вес колеблется около ста килограммов, тогда как рост остановился на отметке один метр шестьдесят пять сантиметров. Никаких причин для госпитализации у нее нет, однако, как только она почувствует, что хорошее расположение духа покидает ее и вместо этого приходят усталость и безразличие к окружающему миру, она немедленно появляется в клинике. Здесь она сбрасывает килограммов десять, которые набрала «неизвестно как — ведь не ела ничего лишнего», и хорошее настроение возвращается вновь. По правде говоря, Метью не должен бы ее оставлять у себя, но она приносит с собой какую-то свежесть, ветер «непрекращающейся жизни», что благотворно влияет как на пациентов, которые любят и доверяют ей, так и на медицинский персонал клиники.

— Эта бедняжка Сара, доктор, боже мой, да как же можно было с собой такое сотворить! А ее роди-

тели, они что, совсем ослепли, или как? Если бы кто-нибудь из моих детей задумал бы такое, я всыпала бы ему хорошенько, и он стал бы как шелковый! Да я зажала бы ему нос, пока он не откроет рот, и впихивала бы в него так, ложку за ложкой, всего и делов-то!

Метью невольно улыбнулся, забавляясь склонностью Лилиан вмешиваться во все, а также умению в любой ситуации находить простое и не лишённое здравого смысла решение. Поскольку, в основе своей, идея мадам Бензимон, какой бы простой и грубой она ни казалась, была не так уж далека от истины. Ею можно было бы воспользоваться, но до того, как Сара докатилась до тридцати семи килограммов.

Метью взял руку мадам Бензимон и слегка пожал ее, что наполнило сердце дамы гордостью, ибо доктор высказал таким образом свое согласие с ней. Эта женщина, которая могла постоянно выводить его из себя непомерным любопытством и беспардонностью, которая чересчур много говорила о себе, своем отце, своем имени, которое больше подходит пожилой даме, тогда как ей всего сорок четыре, об истории своего рода, так вот, эта женщина обладала, возможно врожденной, способностью видеть людей насквозь и моментально оценивать их ум и душевные качества.

— Вы, наверное, испугались до полусмерти? — спросила она, словно понимая, что ему надо кому-нибудь рассказать о том, что произошло.

— Да, мадам Бензимон, я испугался, но больше всего я испугался за Сару.

— Она останется здесь?

— А что вы об этом думаете? — спросил Метью в свою очередь, с любопытством ожидая ответа.

— Ну, я думаю, она поправится, потому что, видите ли, так часто бывает: человек подошел к самому краю пропасти, постоит-постоит над ней, чуть было не сорвется вниз, да одумается и повернет назад.

— Что ж, мадам Бензимон, в ваших словах есть рациональное зерно. Осталось только, чтобы с Сарой все так и получилось.

— Но, доктор, как раз для этого вы и работаете здесь.

Она никогда не отказывала себе в удовольствии «ущипнуть» его, уколоть острым словцом, напустив на себя вежливо-корректный вид. Впрочем, он прощал ей эти выходки и позволял играть на этой чувствительной струне и добиваться желаемого, когда она сама обращалась к нему за помощью.

*

— Хорошо, — переменял тему Метью, — вернемся к вашему весу, так сколько вы потянули сегодня утром?

— Вы, конечно, не поверите, но я ела только то, что вы мне рекомендовали, и не похудела ни на грамм. На весах — все те же сто килограммов.

— А скажите мне, что вчера вы несли в белом пакете, когда гуляли по улице, где булочная? Я проезжал мимо на машине и видел вас.

Лириан Бензимон приняла оскорбленный вид:

— Ах, ну вот вы опять подозреваете, будто я что-то ем украдкой!

— А я и не подозреваю, я это утверждаю!

— Это почему?

— Просто потому, что именно в той самой булочной я каждый вечер по пути с работы покупаю хлеб, и именно там мне сказали, что каждый день вы покупаете у них пакетик крекеров.

Несколько секунд пациентка молчала, выбирая, какой тактики придерживаться: продолжать все отрицать или же признаться. Затем она подняла на доктора широко раскрытые, наивно удивленные глаза:

— Но, доктор, вы же сами сказали, что крекеры — самое низкокалорийное печенье, в них всего 260 калорий на 100 грамм!

Метью с трудом удержался от хохота. Мало того что эта дамочка хитра, как лисица, так она еще читает книги, которые он пишет!

— Видите ли, мадам Бензимон, я разработал вашу диету в соответствии с вашими вкусами и пристрастиями, я рассчитал с точностью до грамма все, что вы должны есть. Если бы вы мне сказали, что вы жить не можете без крекеров, то я включил бы их в ваш рацион, сбалансировав количество других продуктов, и разрешил бы вам наслаждаться этим печеньем. Но, поскольку вы ничего мне о них не говорили, это невозможно.

— Ну раз так... — притворно сокрушаясь, отвечала пациентка.

*

Победа на переговорах осталась за эскулапом. Решили не вспоминать ни о том, как мадам тайком уничтожила несколько венских пирожных, ни о других ее грешках против предписанной врачом диеты.

— Вот что мы сделаем, — сказал Метью. — Если за следующие две недели вы не снизите вес на ту величину, на которую обязывались, что будет возможным только при условии строгого соблюдения диеты, а также выполнения физических упражнений, то следующие две недели я не разрешу вам выходить из клиники. И так будет продолжаться до тех пор, пока

вы не научитесь сдерживать свои гастрономические безумства или, по крайней мере, не станете предупреждать меня о том, что вы намереваетесь съесть.

— Приехали! Я — в тюрьме! Я пришла в клинику по доброй воле, а теперь вы хотите запереть меня! Хорошенькое дело!

*

Метью забавлялся, глядя, как Лириан разыгрывает свой коронный спектакль. После недавнего испуга перед лицом подступившей смерти эта передышка успокаивала его нервы. Но антракт был недолог, его прервала Соня:

— Метью, Жан-Франсуа целый час провисел на телефоне, пытался найти в какой-нибудь больнице место для Сары. Везде получил отказ.

— Ну конечно, с этими больницами вечно так! — воскликнул Сорин. — Они всегда с удовольствием принимают пациентов, которые вполне прилично себя чувствуют, но как только речь заходит о серьезном случае, они ничем помочь не могут. Скажите ему, пусть перестанет звонить, мы оставим Сару у себя. Если что, я обращусь к своей давней знакомой, она найдет место. Нет, лучше я позвоню ей и попрошу поддержать одно место пару-тройку дней. Если за это время дело не пойдет на лад, то мы не раздумывая перевезем ее. Мадам Бензимон, — добавил доктор, — пройдите в свою палату, если у меня будет время, то я зайду к вам в вечерний обход, если же нет, тогда — завтра утром.

— Хорошо, доктор, но не забудьте о крекерах.

*

Возвращаясь в свой кабинет, Метью посмотрел на палату 201, дверь в которую была открыта. Он

увидел Дэльфин де Люзиль, ловко орудующую швейной иглой, и эта картина подействовала на него умиротворяюще. Эта дама, страдающая ожирением, жила в своем обособленном мире. Она без конца вышивала одних Дедов Морозов. Как-то она объяснила, что в конце года она аккуратно вырезает вышитые фигуры, наклеивает их на почтовые открытки и рассылает друзьям. Метью удивился этой в высшей степени трогательной форме проявления внимания, особенно когда узнал, сколько времени требуется для вышивки самого маленького Деда Мороза. Он решил, что ее работа сильно продвинется вперед в этом учреждении, с таким смешанным контингентом анорексиков, страдающих ожирением, да еще нескольких токсикоманов, сосредоточенных только на самих себе.

Да, странная женщина, думал он, возвращаясь в свой кабинет. Живущая вне времени, в окружении выдуманной семьи. Сын, что носит сан епископа и живет в Риме, когда он навещал мать, вызвал настоящий переполох среди медсестер — настолько сей пастырь красив. А другой ее отпрыск — известный актер и режиссер, тот редко видится с матерью и всегда носит бермуды, что очень его молодит, он выглядит четырнадцатилетним мальчишкой. Это еще одна история, пока ничем не подтвержденная, которую Дэльфин поведала доктору. Но сегодня ему некогда над ней размышлять.

ГЛАВА 5

Только непосвященные приходят заранее на дефиле Высокой моды. Звезды же планируют свое появление с намеренным опозданием, длительность которого находится в прямой зависимости от их известности, тем более что им обещана награда за их появление — какое-нибудь очень дорогое платье или другой, броский и обильно украшенный, предмет одежды. От фотографа требуется умение подловить момент, в который звезды выкажут наибольшее восхищение увиденными моделями, затем, чтобы раздуть из этого снимка целую историю, необходимую для укрепления имиджа и рекламирования этого Дома моды. Те статьи, что появятся на следующий день во всех модных и женских журналах, во всех газетах, все фотографии присутствующих на дефиле обязательно должны быть согласованы с главным организатором этого праздника — самим кутюрье, владельцем Дома. В этот священный день вокруг подиума, по обыкновению, можно увидеть жен действующих первых лиц государства и бывших президентов республики, а еще некоторых спутниц жизни наиболее популярных министров. Завершая

список присутствующих, так называемый ареопаг, необходимо упомянуть журналисток, пишущих о моде и получивших билеты на места в соответствии с рангом своего издательства, да тех немногочисленных клиенток Дома, которые еще платят сами за удовольствие одеваться у этого кутюрье и быть постоянными гостями вот таких празднеств.

Занавес раздвигается, выпуская первого манекенщика, и тут любопытный зритель может заметить в глубине зала мужчину, следящего беспокойным взглядом и за сценой, и за публикой. Это — Ральф Фаррелл, в последние десять лет король парижской моды, по происхождению американец, создававший себе имя на протяжении пятнадцати лет. Но это все было до того, как его Дом моды приобрел Франсуа Рабу, крупный промышленник, постепенно скупавший все мелкие и разрозненные модные ателье, создавший теперь на их основе империю в мире элегантности. Дальновидный делец, он мало-помалу сделался одним из самых богатых людей мира, причем из тех, что заботятся о своем духовном росте. В конце концов он завоевал славу одного из самых просвещенных меценатов. К тому времени, на которое пришлось покупка Дома моды Ральфа Фаррелла, тот был уже признанным мастером своего дела. В контракт купли-продажи Ральф собственноручно вписал пункт, где особо оговаривалось его авторское право на все созданные им модели. Главный талант Франсуа Рабу состоял в том, что он очень быстро и безошибочно определял те качества, каковыми нанимаемый им работник, порой за очень высокое вознаграждение, мог быть полезен его империи. В Фаррелле он угадал блестящего и чуткого наставника, которого он, впрочем, с хладнокровием и без-

жалостностью хищника, мог уволить в любой день, невзирая на все удовольствие, что бизнесмен получал от его работ.

*

Прошло десять лет, и Франсуа Рабу имел все основания поздравить себя за сделанный когда-то выбор: имя Фаррелла прочно встало на первое место в мире моды. Прибыль взлетела, доходы постоянно росли, в сфере моды не было ни одной отрасли, ни одной марки выпускаемой продукции, к которым бы имя Рабу не было причастно. В узких кругах мира моды поговаривали, что доходы олигарха от-кутюр достигали порой тысячи процентов. Однако Рабу нашел способ получать еще больше денег, а значит, увеличить дивиденды своих акционеров-учредителей, пенсионные выплаты и фонды своих компаньонов. Способ заключался в предоставлении своим многочисленным субподрядным организациям полной свободы действий затем, чтобы, дождавшись удобного случая, проглотить их. Для такой акулы бизнеса это было детской игрой: он не препятствовал намеченным жертвам заключать многочисленные и долгосрочные контракты, поощрял их предоставлением крупных кредитов под растущие проценты, наблюдал, как обреченные уже компании набирают работников, расширяя свой штат. Затем, как только у этих организаций дела начинали идти в гору, Рабу разрывал с ними деловые отношения, ставя их тем самым на край пропасти. Оставался единственный выход: сдаться на милость победителя. И чаще всего со словами благодарности.

Этим искусством Рабу владел в совершенстве, откровенно презирая тех, кто не умеет рассчитать свои силы и возможности в борьбе за деньги.

К чему было продолжать копить богатство, если на одну ренту он мог прожить, ни в чем себе не отказывая, три тысячи лет? Сокровенным желанием Франсуа Рабу было достичь первенства в любом деле, за которое он брался. Таким образом он брал реванш. Когда он был ребенком, родители все свое внимание, заботу и ласку отдавали его брату, маленькому гению, из которого, по их мнению, должен был вырасти великий писатель. После выхода двух книг, совершенно проигнорированных критикой и читателями, несостоявшийся лауреат Гонкуровской премии прочно устроился на шею брата. Правда, содержание, которое выплачивал ему Франсуа, нельзя было назвать щедрым — чтобы братец не забывал, кто главный в этой игре. И какой автограф: на книжке или на чеке, ценится дороже.

*

Ральф Фаррелл, быстро оглядев зал, сразу понял, что никого из публики не надо представлять друг другу. Его дефиле почтила своим присутствием сама Бернадетт Ширак. Как всегда, перед началом показа нервы кутюрье были натянуты до предела, но он ничуть не сомневался в успехе. Его модели, аккуратные, элегантные, созданные по всем правилам Высокой моды, в меру украшенные бесподобными вышивками, имели неодолимую притягательную силу. Коллекция удалась, он это чувствовал.

В зале повисла звенящая тишина. Все напряженно ждали начала дефиле, ибо это — одна из лучших частей всего шоу. В зале притушили огни, утихла музыка, прожекторы ритмично мерцали, посылая лучи на подиум. Появилась первая манекенщица, одетая в короткую черную юбку и белый камзол, по плечам которого стекали два пышных,

девственно-чистых пера. И тут же всех присутствующих захватил, подчинил себе темп музыки. Топ-модели сменяли одна другую, следуя вереницей, рассчитанной до миллиметра.

В этом сезоне Ральф превзошел самого себя, дефиле в самом деле было великолепным. Укрощенный полет фантазии, море утонченности и изысканности, вплоть до мельчайших деталей. Все вместе представляло *верх элегантности* и завораживающе действовало на постоянных посетителей этого зрелища.

Спустя полчаса после начала показа зал почти совсем погрузился в темноту. Все знали, что мэтр должен прибыть вместе с супругой. По залу прокатился восхищенный вздох. Он решился! Платье невесты, абсолютно черное, отделанное жемчугом и бриллиантами, загорающееся тысячью огней под вспышками фотоаппаратов прессы. Под фатой из белого шелка улыбалось лицо черной американской танцовщицы Грейс Бери. Ральф скромно подошел и подал ей руку, приглашая на вальс. И они сделали один тур по подиуму. Тур — под музыку свадебного марша, сменившегося рэпом.

В зале снова воцарился мрак, как раз в то время, как публика смогла вновь вдохнуть свободно, чтобы через мгновение взорваться аплодисментами. Через тридцать пять минут платье с аксессуарами было упаковано, и миллион евро, потраченный на это чудо, скрылись от восхищенных взоров.

Свет в зрительном зале вновь вспыхнул, и Ральф, окруженный своими манекенщицами, по-актерски приветствовал публику. Он заслужил такие «долго не смолкающие овации», какие не часто случались в его карьере.

*

Туча официантов, нагруженных подносами с коктейлями белого и черного цвета, немедленно ринулась в зал. Буфетную стойку, как обычно, брали штурмом. Можно было подумать, что все эти люди голодали не меньше недели.

Перед интервью с журналистами кутюрье направился поприветствовать супругу президента. Франсуа Рабу с женой подошли следом.

— Мадам, вы оказали мне большую честь посещением нашего Дома моды и присутствием на этом дефиле.

— Мсье Рабу, я стараюсь не упускать ни одной возможности отдать должное французской моде и ее ярчайшим талантам. Любовь мсье Фаррелла к нашей стране и его огромный талант вызывают у меня и моего мужа глубочайшее уважение.

— Благодарю вас, мадам, — поклонился Ральф, — мое единственное желание — это показать, что Франция остается средоточием элегантности и женственности. А вы — ее ярчайшая представительница.

— И в этом большая заслуга одежды, созданной вами, мсье Фаррелл.

*

В эту секунду Франсуа Рабу едва не взорвался от ярости. Ни одного слова, обращенного к нему, все — к другому, к этому претенциозному типу, который всего-навсего один из его служащих, все внимание — к этому жирному идиоту, который, может, еще и сексуальный извращенец, который мнит себя творцом, хотя на самом деле все его туалеты сшиты из трех кусков шифона, а из всей палитры он признает только два цвета. Пусть поспешит насладиться славой, потому что это его

последнее дефиле — злословил про себя Франсуа Рабу.

Накануне вечером бизнесмен внимательно изучал счета своего Дома. Из них стало ясно, что Высокая мода приносила ему доход только в размере 4% суммарной прибыли. Остальные 96% приходились на «производство побочных продуктов» и финансовые операции. Одни эти операции могли бы обеспечить ему сверхприбыли, и совершенно лишними были эти необдуманные, чрезмерные затраты на содержание ателье и модельера. Бизнесмен, чтобы поставить этого наглеца на место, состряпал план, хитрый маневр, который хотел провести с помощью своих лучших друзей, владельцев ряда печатных изданий. Именно для этого он и пригласил на дефиле редакторов и главных акционеров этих изданий. Интерес к задуманной им операции он пробудил в них обещанием существенно повысить их дивиденды за счет незначительного снижения размеров заработной платы своих сотрудников. Одним выстрелом он убивает сразу трех зайцев: возвращает себе то, что ему принадлежало — ведь платит-то за все он! — приструнивает дорогого ему обходящегося портняжку, который вдобавок оттесняет его в тень и прямо-таки гребет деньги лопатой.

Гроссмейстер бизнеса почувствовал, что при мысли об упреждающем ударе его гнев понемногу стихает. Успокоившись, он снова приветливо заулыбался. Уж он-то прекрасно знал, что, если не хочешь стать добычей другого, лучше кусаться, чем стараться подольститься.

*

Мадам Ширак удалилась, провожаемая любопытными взглядами. Финансист слегка похлопал Ральфа по плечу:

— Праздник окончен, пора браться за работу, идите-ка, повидайтесь с журналистами. Сейчас такой момент, когда надо успеть все... еще в этом году.

Ральфа эти слова очень удивили, Рабу никогда раньше не говорил с ним о его карьере. Еще больше он удивился тому, что Рабу ни словом не похвалил его коллекцию.

— Да, разумеется, я иду.

— Скажите, Ральф, по-моему, вы немного поправились за последнее время, так?

Коварный взгляд уперся в торс кутюрье. Неужели этот биржевой тигр, как его прозвали репортеры ежедневных финансовых новостей, читает его мысли? Фаррелл и сам в последнее время с тревогой посматривал в зеркало на отражение своей увеличивающейся в размерах фигуры. Но он думал, что благодаря особому покрою одежды, созданной специально для него, ему удалось обмануть своих коллег. Замечание Рабу больно задело его самолюбие. В эту минуту он его ненавидел. Самый прекрасный день за весь год, день, к которому он так долго и так тщательно готовился, был испорчен, растоптан, вывалян в грязи. Модельер постарался успокоиться: Рабу ведь не сказал, что он растолстел, только «немного поправился». Нюанс! Что ж, ничего не поделаешь, но какой-то подвох в поведении Рабу кутюрье все же заподозрил, а интуиция его редко обманывала.

Зато жена президента осталась в восторге от дефиле. А что, если этот «тигр» попросту ревнует, как не раз случалось и раньше? Не выслушивал ли он в последние месяцы постоянные упреки в расточительстве и излишнем увлечении светской жизнью? Да, но без него не будет и Дома моды!

*

— Хотя, — с ехидной улыбкой добавил Рабу, — всего-то надо есть поменьше салатов да отказаться от нескольких жареных бифштексов, а это совсем не сложно.

Соблюдать диету? Сама мысль о том, чтобы ограничить себя в чем-то, была Ральфу непереносима.

Денежный воротила заметил, что попал в самую точку. На него нахлынуло презрение к побледневшему кутюрье за его неумение хладнокровно выслушивать горькую правду. План действует: только что ему удалось пошатнуть, ослабить колонны, поддерживающие все здание. Конструкция, давшая трещину сейчас, завтра может быть окончательно ослаблена. А в ближайшие дни, когда выйдет еженедельный журнал, придет черед стен.

Бизнесмен важно кивнул Ральфу и поскорее, чтобы избежать рукопожатия, удалился.

— Не забудьте, завтра в два часа дня — в моем кабинете.

— Да, конечно, — ответил кутюрье, раздражаясь от необходимости подчиниться.

*

Оглушенный всем только что происшедшим, он направился в комнату, где его поджидали журналисты, и с удовольствием нырнул в водоворот их шумных и восторженных похвал и поздравлений. Машинально он втянул живот и прикрыл его рукой. Обязательно надо сходить к тому доктору, которого ему рекомендовали как отличного специалиста. И как можно скорее!

ГЛАВА 6

На ледующее утро, едва Ральф проснулся, странное оцепенение, сковавшее его мысли накануне, вновь навалилось. Некоторое время он чувствовал легкое онемение кончиков пальцев и с беспокойством подумал, что таким образом его кровеносные сосуды дают понять о своем пробуждении, а также о том, что он начинает понимать несчастья людей его возраста. За свою бурную жизнь он пережил столько событий и лишь сейчас, в свои шестьдесят два года, чего-то добился. Это онемение, предвестник наступающей старости, взволновало его, — не дай бог, сделаешься калекой. Отвратительным, беспомощным, с перекошенным ртом паралитиком, прикованным к инвалидному креслу. Больше всего на свете он боялся повторить судьбу своего отца, бессмысленное лицо которого, с вечно текущей изо рта слюной, напрочь перечеркнуло восхищение этим человеком, наполнявшее его детское, а затем и юношеское сердце. А вдруг доктор скажет, что все эти болезни передаются по наследству?! Он вытянул руки и стал то сжимать пальцы в кулак, то разжимать, решив про-

верить, достаточно ли этого для того, чтобы симптомы исчезли. Удалось. Однако, когда он вставал с кровати, ему показалось, что тело не так гибко и послушно, как раньше. Какое-то смутное предчувствие конца чего-то сжало его сердце.

По крайней мере, думал он, одеваясь, непохоже, что у меня начинается депрессия. Правда, я работал без передышки. Для кого-то такой ритм — переутомление. А я называю это способом выживания.

Ральфу нравилось спать нагим, он любил ощущать прикосновение шелковой простыни к голому телу. Он сел на край кровати и поискал глазами халат. Не обнаружив его там, где он должен быть — на расстоянии вытянутой руки, Ральф разозлился. Двадцать раз он просил Фину, свою горничную, класть его на строго определенное место.

Но на самом-то деле он знал истинную причину своего раздражения. Он терпеть не мог идти голым в ванную, демонстрируя зеркалам в гостиной свое обнаженное тело. Его лицо еще нельзя было назвать морщинистым. Он наголо брил череп, чтобы придать еще большую пронзительность своим глазам цвета морской волны. Но все, что располагалось ниже шеи, было катастрофой. Его грудные мышцы трансформировались теперь в свисающие складки, живот сильно выдавался вперед и принимал более-менее нормальный размер, только когда он его втягивал или утягивал специальным широким поясом, скрывая свои ухищрения широкого покроя рубашкой. Также он осмотрел и свой пенис, задержавшись взглядом на сильно поредевших, как ему показалось, белых волосках на лобке. Как у старика! Все, что он так ненавидит! Надо их сбрить совсем, чтобы ничто не вызывало того невыносимого, мучительного воспоминания об отце.

Ляжки и икры у него еще достаточно упруги, но далеко не так, как в молодости. Какое удручающее зрелище! Впрочем, лучше заботиться о том, как подольше сохранить блеск в глазах, а на все остальное — не обращать внимания.

Он решил направить свои мысли в более приятное русло — вчерашнее дефиле. Нынешним утром у него были все основания чувствовать удовлетворение жизнью: пресс-конференция не слишком его утомила, а все интервью отняли не более пятнадцати минут.

*

Ральф открыл кран и пустил воду. Когда у него было время на себя, ничто не доставляло ему такого удовольствия, как понежиться в теплой ванне. Халат он нашел в ванной комнате, за дверью. Накинув его и оставив ванну наполняться водой, он не спеша направился в кухню по коридору, в который выходили двери трех его гостиных. В его глазах читалась гордость: он обожал свою квартиру, обставленную дорогой антикварной мебелью, все предметы которой здесь казались живыми существами, удобно расположившимися по комнатам. Мебель, перешедшая по наследству, — как ему нравилось думать.

Я не устраиваю больше никаких вечеринок, вдруг подумалось ему. У меня нет больше друзей, только коллеги. Увы, но это так.

Эта мысль расстроила его еще больше. А тут еще и на интимном фронте полный раздраз. Вот уже около года он не испытывал никакого физического желания, хотя всегда был ходок еще тот. Любовь он испробовал всякую: к мужчинам, к трансвеститам и даже к женщинам. Но сейчас ни единому смертному не удавалось растормошить его, а сам секс казался

ему мерзостью. Он предпочел бы более утонченные удовольствия, после которых наступают минуты сладкой истомы. Только с кем — вот вопрос.

Я старый, я толстый, мне некого больше целовать — нагонял на себя тоску модельер. Пора что-то предпринять.

*

На кухне он застал Фину, занятую приготовлением завтрака для него. За многие годы он привык съесть на завтрак кусок хлеба с маслом, вареное яйцо и выпивать чашку кофе с молоком, в который он добавлял ложечку цикория только потому, что кто-то его уверил, будто это полезно для здоровья. Но по-настоящему любил он яичницу с беконом, вкус которой помнил с детства, с того времени, когда он жил во Флориде, со своим отцом.

Матери он лишился в одиннадцать лет, с тех пор отец больше не женился и воспитывал сына один. Мать погибла в автомобильной аварии в Мериде, в Мексике, куда она поехала продавать свою новую коллекцию футболок. Много лет Ральф опустошал ящики шкафов, благо его отец никогда и ничего не выбрасывал. В какое восхищение его приводили выстраданные матерью платья, украшенные вышивкой, узор к которой она придумывала и рисовала сама, а затем отдавала вышивальщицам из Юкатана, чтобы те за бесценок довели дело до ума. Ральф был уверен, что любовь к одежде родилась в нем и возрастала по мере того, как он все более открывал для себя тот мир, в котором жила и творила его мать. Он никогда не плакал по ней — у него попросту не было на это времени. Отец все свое время посвящал сыну, пытаясь таким образом загладить свою несуществующую вину за его детство, ли-

шенное материнской ласки. Его старшая сестра довольно рано покинула отчий дом, выйдя замуж за инженера, с которым начала строить свою, довольно благополучную, жизнь в Нью-Йорке, где теперь подвизается официальным торговым представителем Дома моды Фаррелла. Ральф никогда не испытывал никакого желания встречаться с ней, поскольку не мог простить сестре того, что она бросила их с отцом и не подарила ему ни крупицы той теплоты женского сердца, которую он находил позднее в общении со своими коллегами — дамами из мира моды, единственными женщинами с которыми он мог иногда поговорить по душам.

*

Ральф пребывал в странном ностальгическом настроении. Машинально он попросил Фину сходить за газетой. Сейчас ему не хотелось включать телевизор, не хотелось смотреть репортажи о своем дефиле, прежде чем он прочтет то, что написали журналисты, с которыми он разговаривал вчера.

*

Он уселся возле телефона. Подняв трубку, позвонил в справочную, чтобы узнать телефонный номер того доктора, доктора Сорина.

— Парижская клиника, здравствуйте!

— Здравствуйтесь, я хотел бы записаться на прием к доктору Сорину.

— Вы его пациент?

— Нет, мадемуазель, я хотел бы прийти к нему на первичную консультацию.

— Когда вам удобно?

— Прямо сейчас, соберусь и приеду через полчаса.

— Может быть, не так быстро, — ответил, с явственно различимой усмешкой, голос, сразу ставший намного дружелюбнее.

— Будьте добры, запишите меня на самое ближайшее время. Мое дело действительно не терпит отлагательства.

— Если вас устроит, то сегодня в половине седьмого.

Ральф задумался. Если доктор не задержится где-нибудь, то консультация может закончиться к семи часам. Тогда он успеет приехать заранее на студию, где его будет ждать ПЭК, то есть Пьер-Эдуард Курти, представитель телевизионной компании, ведущий популярного ток-шоу, встреча с которым была запланирована первой на этот вечер, о чем в ежедневнике имелась соответствующая запись.

— Скажите, к семи часам консультация может закончиться?

— Конечно, мсье?..

— Фаррелл, Ральф Фаррелл, — назвался он, ожидая обычной реакции: «Тот самый?»

— Как, простите?

Удивленный и слегка раздосадованный, он по буквам повторил свою фамилию. Разговаривать с кем-то, особенно с женщиной, кто не знал бы о нем ничего, ему доводилось крайне редко. Да и не беда: это означало, что ему еще есть что делать и куда стремиться.

— Очень хорошо, сегодня в 18 часов 30 минут, мсье Фаррелл.

*

Теперь кутюрье мог насладиться свободным утром, поскольку его первая встреча на сегодня была назначена на два часа — с Франсуа Рабу. Против

обыкновения, без предварительного приглашения на обед. Еще одинстораживающий факт вдобавок к неприятному замечанию по поводу его полноты?

Ральф начал взвинчивать сам себя: почему это Fiна до сих пор не принесла газету?

Он включил телевизор и стал переключать каналы, в надежде найти репортаж о вчерашнем дефиле, о главном для него событии.

*

На каком-то канале одна брошенная диктором фраза буквально огорошила его. «Подводя итог, можно сказать, что это было не самое блестящее дефиле из всех, которые устраивал известный кутюрье Ральф Фаррелл». Почему?

Он услышал, как хлопнула дверь.

— Fiна, это вы?

— Да, мсье, я обернулась мигом.

Ральф чуть ли не с мясом вырвал у нее из рук пакет с газетами. Первый же заголовок в «Паризьен» насторожил его: «Большое разочарование от дефиле Ральфа Фаррелла». Он не стал тратить время на штудирование статьи и вцепился в другую газету. «Франс-суар»: «Солнце Ральфа Фаррелла клонится к закату?» «Фигаро», в которой, как он считал, работают только его поклонники, высказалась еще более убийственно: «Ральф Фаррелл: дежавю, или *Повторение пройденного*».

Сердце кутюрье бешено заколотилось. Он отшвырнул от себя тарелку с завтраком, бросился в рабочий кабинет и дрожащей рукой набрал телефонный номер своей пресс-службы.

— Соедините меня с Катей.

— Сейчас, мсье Фаррелл, — секретарша узнала его легкий американский акцент.

— Катя, что происходит, ты видела газеты?

— Да, Ральф, я ничего не понимаю.

— Раздраконили в пух и прах. Дефиле в самом деле так плохо или что? Неужели я и впрямь сел в калошу с этой коллекцией?

— Я не знаю, Ральф, ни разу, за все пятнадцать лет, что я работаю с тобой, я не видела такого афронта.

— Просмотри всю прессу, послушай радио и теленовости. Я позвоню тебе около часу дня, и ты обрисуешь мне общую картину.

— Не отчаивайся, несколько паршивых газетенок — это еще не трагедия. Возьми себя в руки, особенно перед встречей с ПЭК сегодня вечером. Уж он-то постарается не упустить отличного шанса слопать тебя живьем. Или хочешь, чтобы я отменила встречу?

— Конечно нет, Катя. Это было бы все равно как признать свое поражение. Созвонимся.

*

Ральф бросил трубку и несколько минут сидел в каком-то оцепенении, как нокаутированный боксер. Вдруг его охватил панический ужас: «А что, если это конец?»

АВТОР ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ:

Тьерри Билларду, который, производя впечатление стороннего наблюдателя, никому не давал сбиться с верного направления и который еще раз доказал правильность утверждения, что у настоящего таланта много граней.

Симоне Бэрамья, моей деликатной, самоотверженной, скромной и... знающей дело помощнице.

Жилю Аэри, который, поверив в наши мечты, с отвагой, присущей настоящему издателю, помог им вылиться в конкретную форму.

Валери Экспер и Филиппу Дюлей, чьи советы очень дороги мне, как раньше, так и сейчас.

Патрику Серо — за его безграничное доверие и поддержку.

И моей сестре навсегда — Софи Друа.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	40
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	49
Глава 7	51
Глава 8	56
Глава 9	62
Глава 10	67
Глава 11	70
Глава 12	73
Глава 13	83
Глава 14	86
Глава 16	94
Глава 17	99
Глава 18	103
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	107
Глава 19	109
Глава 20	111

Глава 21	116
Глава 22	118
Глава 23	124
Глава 24	130
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	133
Глава 25	135
Глава 26	141
Глава 27	143
Глава 29	157
Глава 30	161
Глава 31	168
Глава 32	175
Глава 33	181
Глава 34	185
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	191
Глава 35	193
Глава 36	202
Глава 37	216
Глава 38	220
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	223
Глава 39	225
Глава 40	231
Глава 41	234
Глава 42	242
Глава 43	247
Глава 44	251
Глава 45	259
Глава 46	268
Глава 47	272
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	275
Глава 48	277
Глава 49	282
Глава 50	288
Глава 51	294
Глава 52	302
Глава 53	309
Глава 54	314
Глава 55	315

Глава 56	319
Глава 57	321
Глава 58	328
Глава 59	333
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	335
Глава 60	337
Глава 61	342
Глава 62	344
Глава 63	348
Глава 64	352
Глава 65	356
Глава 66	361
Глава 67	364
Глава 68	372
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	377
Глава 69	379
Глава 70	393
Часть десятая	407
Глава 71	409
Глава 72	413
Глава 73	418
Глава 74	424
<i>Эпилог</i>	435
<i>Приложение</i>	445
Отчет о госпитализации Эмили Вебер	447
Отчет о госпитализации Ральфа Фаррелла	452
Отчет о госпитализации Дельфин де Люзиль	458
Отчет о госпитализации Сары Филло	465
Отчет о госпитализации Лилиан Бензимон	470
Автор выражает благодарность	476

Литературно-художественное издание
Серия «Реалити-роман»

КОЭН ЖАН-МИШЕЛЬ

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ
ВРАЧА-ДИЕТОЛОГА

Реалити-роман

Перевод с французского Е. А. Макаровой

Литературный редактор *Н. О. Хотинский*
Художественное оформление серии: *А. Б. Архутик*
Корректоры *В. А. Нэй, О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.01.2012 г.
Формат 80×100/32. Гарнитура «OctavaC».
Печ. л. 15,0. Тираж 3 000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул. Д. 59А
Тел./факс 755-81-23

E-mail: eterna-izdat@mtu-net.ru
www.eterna-izdat.ru